

*В.Л. Шейнис,
доктор экономическим
ИМЭМО*

Российский исторический транзит; предварительные итоги

Тема данной конференции более амбициозна, чем всех предыдущих. Вопрос: куда (или точнее, к чему) пришла Россия? — в отличие от прежней постановки: *quo vadis?* — предполагает, что процесс (или по крайней мере его этап) завершен. Правомерна ли такая постановка вопроса? Участники конференции отвечают на него по-разному. Сложилась система, "которая в настоящее время достигла максимальной стабильности и переживает период своего расцвета", — утверждает Д.Фурман. "Мы живем скорее не в новом доме, а на развалинах старого, — возражает Ю.Левада. — Стабильность остается достоянием общественным надежд и политических деклараций". Вполне реальна перспектива, неизменно предупреждает нас Т.Ворожейкина, провалиться в историческую дыру, как это происходило в течение 50 или

70 лет с Мексикой после революции в начале XX в. Итак, какие же общество и государство сложились у нас на исходе второго десятилетия с начала революционных преобразований? Насколько сложившаяся система стабильна и долговременна?

Революционные по характеру и последствиям реформы 1980-1990-х годов надломил исторические стереотипы развития нашего общества. Прежняя социально-политическая и институциональная модель была жесткой, ригидной, а потому неподатливой и долговечной. На ее месте возникла новая модель, в которой причудливо сочетаются разнородные элементы, принадлежащие к различным по мировому календарю историческим пластам. Рынок, придавленный монополиями (или точнее, олигополией). Свобода предпринимательской деятельности, ограниченная произволом чиновника и рэкетом бандита. Трудовые отношения найма, формально регулируемые современным законодательством, но с неисполнением договорных обязательств обеими сторонами. Общество потребления, в котором одна часть охвачена потребительским азартом, а другая (до трети населения) находится за гранью бедности. Передовая, хотя и не лишенная некоторых дефектов Конституция и жизнь "по понятиям". Структуры квазигражданского общества, стиснутые и деформированные направляющей рукой государства. Партийно-политическая система, законодательно протезируемая, но не влияющая на государственную политику. Демократия выборов, искаженная фальсификациями и манипулятивными технологиями. Перечень подобных оксюморонов можно продолжить.

Однако движение по исторически тупиковому пути, которым наша страна шла более 70 лет, прекратилось. На новом пути, возвращающем великую страну на столбовую дорогу современной цивилизации, были, как это убедительно показано в замечательном исследовании Л.Гордона и Э.Клопова, свои потери, но также и свои обретения. *Догоняющее развитие* в узкой технико-экономической и военной сферах сменилось *догоняющей модернизацией* (этот термин, который употребляет А.Вишневский¹, лучше отражает суть процесса) и вестернизацией, охватывающими также разнообразные области социальной, политической и культурной жизни, — как ни обидно для великой страны состояние, когда она должна кого-то догонять!

И все же не стоит преувеличивать: за прошедшие 15—20 лет сделан громадный рывок, сокративший социальный разрыв между Россией и передовыми демократическими странами. Наш рынок, наша демократия, наши ростки гражданского общества, наша новая цивилизованность противоречивы и во многом формальны, но формы эти не нейтральны и тем более не блокирующие по отношению к развитию. Ипполит Тэн считал, что Франция изжила бы

¹ См. его статью в настоящем сборнике.

феодалную систему и без жестокой ломки революцией. Не обсуждать французские проблемы двухсотлетней давности, но в отличие от поклонников китайского пути убежден, что не могло быть перехода России на более высокую ступень общественного развития без слома тоталитарной коммунистической системы и что этот слом произошел едва ли не в наиболее мягких формах из всех возможных.

В России социальная конфигурация по уровню доходов, качеству и образу жизни подобна не ромбу, как на Западе, а пирамиде с широким основанием и остроконечным завершением. Основная линия социального размежевания отделяет тех, кто выиграл (или же видит возможность улучшить свое положение), от тех, кто проиграл в результате реформ. В докладе Н.Тихоновой было показано, что объективное положение больших масс населения отличается от их самоощущения. Между тем социальное и политическое поведение определяет второе, а не первое. Поэтому главное политическое размежевание в обществе, как о том свидетельствуют и опросы социологов, и результаты федеральных выборов, определяет отношение к реформам: назад или вперед, а если вперед, то как? Но так как движение назад перекрыто (это показали политический кризис 1992-1993 гг. и президентские выборы 1996 г.), ротация различных, но в общем-то социально близких группировок у власти осуществляется не на выборах, как на Западе, а посредством сдвигов в правящей элите. Такие сдвиги несколько раз происходили при В.Ельцине и особенно заметно — при передаче власти В.Путину.

Поскольку наиболее массовая (и в силу значительной укорененности в обществе реально претендующая на власть) сила представлена КПРФ — партией вчерашнего дня, напроць дискредитировавшей себя в глазах большинства народа, в критические моменты вокруг правящей группировки сплачиваются, мобилизуются все общественные силы, не желающие возврата к прошлому в экономике, идеологии, во внешней политике. С большим или меньшим перевесом попытки реванша отбиваются. Но это закрепляет властные позиции у власти сложившейся за годы реформ новой правящей элиты. Ее монопольное положение в сформировавшейся социально-политической системе, о котором справедливо говорил О.Лацис, определяется, на мой взгляд, двумя главными факторами.

Во-первых, тем, что единственная пока альтернатива представлена реакционной политической силой, отторгаемой большинством общества. Такая оппозиция, самое существование которой блокирует образование нормальной социал-демократии, на деле укрепляет власть кремлевской и околоскремлевской группировки. Социальное пространство для конструктивной, демократической оппозиции предельно сужено.

Во-вторых, здесь сказывается историческое наследие, государство действует в аморфной политически неструктурированной со-

циальной среде. Поэтому и удается буквально из ничего, но располагая административными рычагами и финансовой подпиткой, при- мерять, выкраивать и отбрасывать различные варианты "партии власти" — без внятной идеологии, ясной программы, признанных лидеров, массы нечиновных активистов и устойчивого электората. "Партии власти" — не взявшей власть на состязательных выборах, а формируемой самой властью, консолидированной недемократи- ческими методами. Устойчивость, видимая безальтернативность нашей власти, как справедливо говорил Ю.Левада, определяется тем, что в обществе — многим неудовлетворенном — нет силы, которая хотела бы и могла власть отнять. Почему?

И здесь мы подходим к самым неясным и спорным проблемам дальнейшего развития нашего государства и общества. Во всех деформациях и безобразиях, которых вокруг — море разлитое, свободомыслящая интеллигенция, отвечая на вековечный российский вопрос "кто виноват?", привыкла винить власть и богатых. Счет предъявляется властным элитам, бюрократии, олигархам. Как-то упускается из виду, что и те, и другие, и третьи действуют обычно (хотя и не всегда) так, как только могут и должны действовать — в логике собственной социальной природы, объективно определяющей их интересы, во-первых, и под сильным влиянием складывающейся ситуации, во-вторых. Страдающей стороной испокон века объявля- ются население, граждане (подданные), бедняки. А что если мы вслед за проницательными авторами "Вех", рассуждения которых довольно свежо выглядят и почти век спустя, не то чтобы поменяем местами "верхи" и "низы", но хотя бы перенесем акценты?

В связи с этим первый вопрос можно сформулировать так: насколько безальтернативен и долговечен установившийся у нас режим? Или, иными словами, исчерпан ли реформаторский потен- циал нашей правящей элиты? На этот вопрос сейчас невозможно дать категорический ответ. История знает примеры, когда автори- тетный и популярный лидер действовал осознанно или неосознан- но, исходя из глубоких и долговременных интересов своего класса (социальной страты), которые в силу тех или иных причин совпа- дали с интересами общества. И находил поддержку наиболее про- свещенной, мыслящей части правящего слоя. Таков был пример Франклина Рузвельта, а в нашей истории — Михаила Горбачева. Здесь-то и сказалась вариантность развития: высший партийно-го- сударственный пост занял человек, заметно возвышавшийся в по- литическом, интеллектуальном и нравственном отношении над чле- нами брежневского политбюро — каждым в отдельности и всеми вместе взятыми. Предъявляя счет М.Горбачеву за ошибки, за не- последовательность и нерешительность, не следует забывать, что в стране с застопорившейся экономикой и загнивающим режимом не было и не могло быть концепции реформ, продуманной и усво- енной даже самим главным реформатором и тем окружением, ко-

торое он наскоро пытался формировать. Ведь старая правящая элита была озабочена консервацией строя, а не его приспособлением к реалиям менявшегося времени. Поэтому начинать реформы можно было только методом проб и ошибок.

Также и ответ на вопрос: кто Вы, мистер Путин, чего от Вас можно ожидать? — еще не получен. А ответ на этот вопрос очень важен, учитывая традиционную для России концентрацию власти в руках первого лица. Все, что можно пока сказать, — это характерная политическая амбивалентность второго президента России, Идя на выборы 2000 г., он объявил программу, в которой почти каждый мог найти для себя нечто значимое, — пообещал все всем. В том же ключе были выдержаны и некоторые его последующие заявления и действия. Есть вопросы, по которым президент не обнаруживает готовности не только принимать во внимание, но даже выслушивать точку зрения, отличную от собственной: экология, независимые СМИ, война в Чечне. Но есть и радикальная смена внешнеполитической парадигмы, осуществленная после трагических событий 11 сентября 2001 г. Отторжение этого курса значительной частью нашей государственной элиты так же очевидно, как и его соответствие важнейшим интересам нашего общества. Что возобладает: это сопротивление или логика предпринятых шагов позитивно меняющих внешнеполитический контекст, в который вписана Россия, сказать трудно.

В заключение — об обществе. Политологи редко и неохотно говорят о его собственной ответственности за положение, в котором оно оказалось, когда схлынула митинговая активность демократов и эйфория надежд. Разумеется, речь идет не о правовой, а о социально-исторической ответственности. Не столько внешние силы и обстоятельства, сколько комплекс несамостоятельности, о котором говорили Л.Гудков и Б.Дубин, сковывает общественную активность. Обделенное при разделе собственности большинство народа добровольно отказывается от борьбы за власть.

Характерный пример тому — деградация избирательного процесса во многих регионах страны. Нет явного насилия над массами не столь уж распространены прямые фальсификации избирательных бюллетеней, а власти все чаще получают тот результат, который им требуется. С этим мы идем и навстречу федеральным выборам 2003-2004 гг. Конечно, применяются искусные избирательные технологии, сбивающие людей с толку. Но дело не только в них. Не меньшую роль играет широко распространившееся отторжение от политики вчера еще наиболее активной, интеллектуально развитой части общества, растущий абстенционизм на выборах. Характерный пример — выборы в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга в декабре 2002 г. Когда явка на избирательные участки едва вытягивается на уровень 30%, исход выборов решают маргиналы, дружно идущие на избирательные участки выполнять

свой "гражданский долг". Новую политическую активизацию общества нельзя вызвать по мановению волшебной палочки. Это как тектонический сдвиг. Но когда он произойдет, важно, чтобы люди вновь не оказались в растерянности, не были легковверны, чтобы тон опять не задавали маргиналы. Следует ли ждать пока общество дозреет? — ставит вопрос О.Лацис. И отвечает — нет, надо помогать. Я с ним абсолютно согласен. Разработку концепции нашего дальнейшего развития, настойчивое доведение ее до той части общества, которая может и хочет извлекать уроки из собственного опыта, просветительскую работу — кроме как интеллигенции, не прикормленной властью и олигархами, не подвергшейся растлению, выполнять некому.